

Филологические науки
Philological sciences

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-139-150>

УДК 821.163.6.0

ББК 83.3(4Сло)7

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Е.В. Шатько
г. Москва, Россия

© 2025 г. Н.Н. Старикова
г. Москва, Россия

**«НАШИ ПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ВЗЯТЫ ИЗ ЖИЗНИ»:
ТРАВМА ВОЕННОГО ПРОШЛОГО В РОМАНЕ Д. ЯНЧАРА
«ЭТОЙ НОЧЬЮ Я ЕЕ ВИДЕЛ»**

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 24-28-00403
«Репрезентация и преодоление травматического опыта национального Прошлого
в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы
(последняя треть XX — начало XXI вв.)»

Аннотация: В статье представлен роман выдающегося современного писателя Словении Д. Янчара «Этой ночью я ее видел» (2010), где национальная трагедия периода Второй мировой войны (раскол словенского общества на героев сопротивления — антифашистов и пособников оккупантов — домобранцев, воевавших друг против друга) впервые показана не как противостояние победителей и побежденных, «своих» и «чужих», а как диалектика взаимодействия личной судьбы и европейской истории. Целью статьи является рассмотрение стратегии нарративизации знаковой для нации трагической темы. Документальный сюжет о супругах Хрибар, владельцах поместья Стрмол, ликвидированных партизанами в 1944 г., легший в основу произведения, воплощен автором через «оптику Расемон», которую использовал писатель Акутагава Рюноске, а затем, при экранизации его рассказа «В чаще», — режиссер Акира Кurosawa. О полной страстей жизни и ужасной гибели главной героини романа Вероники Зарник рассказывают пять разных персонажей: бывший любовник, мать, немецкий военный врач, экономка поместья и партизан, донесший на семейство Зарник. Такая полифоническая нарративная структура отвечает главной модальности авторской позиции — избежать идеологически окрашенных трактовок и оценочных коннотаций, ведущих к тенденциозному конструированию коллективной исторической памяти. В переносе фокуса с политически ангажированного дискурса на экзистенциальный Янчар видит возможность изменить остро болезненное отношение словенцев к событиям военного прошлого, и тем самым через художественное слово дать толчок к осмыслению неизжитой исторической травмы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Янчар, трагедия братоубийства, нарративизация травмы, факт и вымысел.

Информация об авторах: Евгения Викторовна Шатько — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9467-898>

E-mail: eshatko@gmail.com

Надежда Николаевна Старикова — доктор филологических наук, заведующий отделом, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1230-2244>

E-mail: nstarikova@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.05.2025

Дата одобрения рецензентами: 12.09.2025

Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: Шатько Е.В., Старикова Н.Н. «Наши придуманные истории взяты из жизни»: травма военного прошлого в романе Д. Янчара «Этой ночью я ее видел» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 139–150.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-139-150>

Художественное воплощение *военного* прошлого сопряжено с рядом внелитературных факторов, одним из определяющих является сама травматичность пережитого негативного опыта. В литературном тексте историческая травма, как правило, связанная с «противостоянием смыслов», сопрягает вчера и сегодня посредством образов и воображения, вынуждая воображающего «заново интерпретировать прошлое, чтобы примириться с потребностями настоящего и будущего» [1]. Факт формирования в словенской литературе XXI в. терапевтического контекста, направленного на преодоление последствий коллективной травмы, связанной с национальной трагедией, пережитой словенцами в период Второй мировой войны, говорит о сохранении в современном обществе «болевого синдрома» и потребности в этическом (и художественном) переосмыслении оценок важных исторических событий.

Вторая мировая война на территории Югославии началась 6 апреля 1941 г., когда германские войска без предупреждения начали наступление на югославских границах. В течение нескольких дней словенские территории были оккупированы и разделены между Италией, Венгрией и Германией, что во многом обусловило дальнейший ход исторических событий. Учрежденный в июле 1941 г. Освободительный фронт словенского народа (ОФ), объединивший коммунистов, христианских социалистов, демократически настроенную часть общественно-спортивного движения «Сокол»¹ и представителей научно-технической и творческой интеллигенции, выступил за освобождение и будущее политическое переустройство Словении. ОФ активизировал партизанское движение, начался вооруженный отпор оккупантам. Лидеры ряда других политических партий открыто встали на сторону оккупационных властей. Уже с мая 1941 г. по иници-

¹ Сокол (словен. Sokol), первоначальное название Гимнастическое общество Южный сокол (Gimnastično društvo Južni sokol) – общественно-политическое спортивное движение, созданное в 1863 г. по образцу чешского Сокола. Один из его лидеров Й. Рус был одним из основателей ОФ Словении.

ативе руководства Словенской народной партии² и при поддержке итальянского верховного комиссара в Люблянской покраине создаются первые военизированные формирования словенских ополченцев, большинство которых с марта 1942 г. координируются «Словенским союзом»³. Одновременно в занятых итальянцами областях открываются опорные пункты «добровольной антикоммунистической милиции» (“*milizia volontaria antikomunista*”⁴), в состав которой, как правило, входили и местные уроженцы, представляющие словенское сельское население. В 1943 г. в захваченных Германией районах для борьбы с партизанами и частями народно-освободительной армии Югославии была организована словенская добровольческая армия (Домобранска лига), вооруженные подразделения которой находились в подчинении Вермахта. Словенское общество оказалось расколото на «своих» и «чужих», борцы партизанского сопротивления и пособники оккупантов — белогардисты и домобранцы — сражались друг против друга, т. е. борьба с фашизмом была отягощена гражданской войной (о гражданской войне в Словении подробно писал Л.Я. Гибианский, см.: [2, 5]). Это трагически отразилось как на личных судьбах участников событий, так и на национальном самосознании в целом. Первые десятилетия после 1945 г. освещение Второй мировой войны в СФРЮ находилось под влиянием так называемой литературы НОБ (народно-освободительной борьбы), целью которой была героизация деятельности ОФ и партизанского движения. До провозглашения суверенитета (1991) в течение более чем сорока лет тема братоубийственного военного противостояния словенцев в период Второй мировой войны была в республике Словении под запретом, т. е. «стратегия прятания и ускользания от травматических конфликтов (в том числе от признания, принятия, осознания реальных напряжений и столкновений внутри и между поколениями)» блокировала возможность «выработать некие средства для цивилизованного освоения подобных болезненных моментов <...> широкими группами населения» [3, с. 54–55]. Художественные произведения показывали героев-партизан только позитивно, едва ли не единственным исключением стали дневниковая проза «Товарищество» (1949) и сборник новелл «Страх и мужество» (1951) одного из основателей ОФ Словении Э. Коцбека (подробнее об этом см.: [4, с. 198–199]). В первом издании, «соединив фактографический материал с личными впечатлениями, философские рассуждения с лирическими отступлениями», автор показал «всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, осложненного гражданской войной, поднял вопрос о свободе выбора индивидуума, роли национальной интеллигенции в антифашистском сопротивлении и объединении нации» [6, с. 26]. За второе, где с позиций христианского экзистенциализма были подняты проблемы этической онтологической ответственности человека за свои поступки и нравственного выбора сражавшихся в рядах антифашистского подполья, писатель был подвергнут жесткой партийной травле, обвинен «в принижении роли партии в НОБ, осквернении светлого образа героя-партизана, обесценивании идеалов

² Словенская народная партия (словен. Slovenska ljudska stranka) – словенская консервативная христианско-демократическая политическая партия, существовавшая с 1892 г. до конца Второй мировой войны.

³ Словенский союз (словен. Slovenska zaveza) – альянс коллаборационных сил, противостоявших партизанскому движению, учрежден в мае 1942 г. в занятой итальянскими войсками Любляне, с руководством которых его представители активно сотрудничали.

⁴ Milizia Volontaria Anti Comunista (MVAC) – военизированные словенские патрульные отряды, с августа 1942 г. находившиеся в подчинении итальянского военного командования, партизаны презрительно называли их «belogardisti» (белогвардейцы) по аналогии с участниками военно-политического антисоветского движения 1918–1922 гг. в советской России.

освободительной борьбы, религиозном мистицизме» [6, с.29] и отправлен в отставку. В независимой Словении новые политические и социальные обстоятельства оживили энергию памяти и породили новые этико-культурные дискурсы, послужившие пересмотру этиологических мифов государства СФРЮ, связанных с историей Второй мировой войны. Табу с темы национальной трагедии военного времени было снято, и общественность впервые получила возможность познакомиться с документальными свидетельствами, раскрывающими жестокость и насилие обеих противоборствовавших сторон (устранение лидеров коллаборационных политических партий службой разведки ОФ (подробнее об этом см.: [17]); расстрелы представителями домобранских формирований взятых в плен партизан и мирного населения (подробнее об этом см.: [11]). Большинство словенских граждан оказалось к этому не готово — возвеличивание доблестного подвига героев югославского партизанского движения долгие годы было частью государственной идеологии, поэтому первой реакцией на демифологизацию героических военных лет стали шок и отторжение. Это повлияло и на писательскую мотивацию — в 1990 гг. возможность рассказать о замалчиваемых ранее фактах Второй мировой войны привлекла крайне мало словенских авторов. Размышляя об отсутствии интереса среди литераторов к периоду 1941–1945 гг. в начале демократизации, М. Кос видит причину в распаде СФРЮ и сопровождавших этот процесс военных конфликтах: «*истории и так было слишком много, и писать произведения о старой войне в то время, когда идут актуальные новые войны казалось несколько странным, <...> это было очень далеко от тех драм и трагедий, которые — от осады Сараева до резни в Сребренице, — происходили в этот момент в реальности*» [16, s. 154].

В 2010 гг. ситуация довольно существенно меняется — тема Второй мировой войны переживает в словенской литературе своеобразный ренессанс — становится объектом художественной рефлексии целого ряда писателей, главным образом, детей и внуков «героического» поколения. К ней в своих романах обращаются Д. Янчар «Этой ночью я ее видел» (2010) и «И любовь тоже» (2017), З. Кодрич «В полдень запляшут сапоги» (2011), М. Хадерлап «Ангел забвения» (2012), М. Кресе «Страшно ли мне?» (2012), З. Симчич «Последние десятые братья» (2012), М. Эилетц «Крик без ответа» (2015), В. Мёдерндорфер «Другое прошлое» (2017). В основе большинства этих произведений лежат документальные исторические факты и/или эпизоды реальных семейных историй, представляющие собой «опосредованные» воспоминания, возникшие под влиянием общения авторов с участниками и очевидцами трагических событий военного прошлого, а также изучения ими военных и семейных архивов, корреспонденций, периодики (только Эилетц (р. 1926) и Симчич (р. 1921) в своих автобиографических произведениях опирались на личный жизненный опыт участия в домобранском движении). Такое «возвращение травматического знания и олицетворенного опыта — поверх и через поколения» [12] говорит об актуализации в творческом процессе словенских прозаиков механизма функционирования постпамяти.

Роман Янчара «Этой ночью я ее видел» занимает в приведенном ряду едва ли не самое важное место. Не только как произведение, после долгого перерыва вновь выводящее на литературную авансцену историческую травму, пережитую словенцами во время Второй мировой войны, но и как книга, получившая на родине статус «романа десятилетия» [19], номинированная на одни престижные литературные премии (премия «Ясная Поляна», 2017, 2018) и отмеченная другими (премия «Кресник» за лучший словенский роман года, 2011, французская «Премия за лучшую иностранную книгу» / “*Prix du Meilleur Livre étranger Sofitel*”, 2014), востребованная иностран-

ными читателями (к настоящему моменту переведена на двадцать языков). Однако главной новацией этого сочинения является абсолютно нетрадиционная для современного словенского общества модальность авторской позиции — осознанное стремление избежать идеологически окрашенных трактовок, рассказать о тех, «кто просто хотел жить в самое неподходящее для этого жестокое военное время, о подлинной, спонтанной, настоящей любви к жизни, прерванной насильственной, неестественной, ничем не оправданной смертью» [20].

Прозаик, драматург и эссеист Драго Янчар (р. 1948) — один из признанных, европейски известных современных авторов Словении, его литературное творчество отмечено многими национальными и международными литературными премиями, в том числе Гердеровской (2003) и премии Жана Амери за эссеистику (2007). Основа творческого мировоззрения писателя — универсализм, через призму которого исследуются национальные и общечеловеческие проблемы. «Сущность литературы, подчеркивает Янчар, — надысторическая <...>, человек формируется не одной лишь историей, он бесконечно больше и одновременно бесконечно меньше нее» [15, s. 15–16]. Человек прошлого «...почти ничем не отличается от человека XX века. Меняются только ценности и взгляд на Бога. Литература же говорит о фундаментальном, неизменном, о том, что лежит в основе человеческого существования, т.е. о любви и смерти» [14, s. 257]. Именно история любви и смерти молодой красавицы Вероники Зарник, охватывающая период с 1937 по 1944 г., является «несущей конструкцией» сюжета романа «Этой ночью я ее видел». Молодая, красивая, неотразимо соблазнительная, экстравагантная женщина (завела в качестве домашнего питомца аллигатора, которого сначала выгуливала на поводке, а потом отдала на растерзание таксидермисту), люблянская *femme fatale*, живет чувствами: импульсивно бросает мужа-фабриканта, увлекшись простым кавалерийским офицером, но, столкнувшись с армейским бытом, легко возвращается к супругу. При этом она умна, добра, весела, сострадательна, образованна и абсолютно аполитична. Ее прагматичный муж Лео Зарник стремится усидеть на двух стульях: с одной стороны, поддерживает деловые и приятельские отношения с оккупантами, а с другой — помогает антифашистскому подполью. В итоге зимним утром 1944 г. партизаны вламываются к нему в дом, выводят вместе с женой в лес, где ее насилюют, потом жестоко пытаются и убивают обоих. Исчезновение господ из поместья вызвало много слухов; соседские крестьяне супругов любили, считали порядочными людьми, поэтому командиром партизанского отряда была задним числом состряпана листовка с формулировкой: «суд народа вынес предателям и пособникам гестаповцев справедливый смертный приговор <...>. Листовку размножили на припрятанной технике — печатном станке, который нам [партизанам. — *Е.Ш., Н.С.*] достал Зарник» [22, с. 183]. Прототипами четы Зарник стала реальная семейная пара Хрибар, владевшая замком Стрмол в Верхней Крайне. В 1936 г. богатый люблянский фабрикант Радослав Хрибар купил это поместье с замком, построенным в XV в., для своей молодой жены Ксении. Трагическая судьба супругов (в 1944 г. они были без суда расстреляны партизанами) впервые привлекла внимание общественности благодаря статьям М. Цветек и А. Хрибар, опубликованным в середине 2000 гг. в историческом журнале «Хроника» (см. об этом: [9, 13]). «Самовольное» использование Янчаром частной семейной истории вызвало недовольство у потомков рода Хрибар (дело чуть не дошло до судебного иска); объясняя свой подход к фактической основе сюжета опубликованного произведения писатель высказался так: «Да, эта история взята из жизни <...>, тем не менее в романе она является исключительно каркасом, на который нанизывается большая

часть вымышленных событий, даже большинство героев. <...> Я попытался реконструировать события, оставив главной героине имя Ксения. Однако меня вдруг осенило, что вместе с этим я рискую получить упреки не только в том, что “было не так”, а и в том, что литературной реконструкцией сознательно создаю псевдодокументальную литературную поделку. Так что я вернулся к субъективному началу». В итоге «из жизни родилась вымышленная история, которая не меняет того, что случилось» [22, с. 191].

Роман состоит из пяти глав. О полном страстей коротком жизненном пути и ужасной гибели главной героини ретроспективно рассказывают пять разных персонажей: ее бывший любовник сербский офицер Стеван Радованович; мать Вероники Йосипина; знакомый четы Зарник, военврач Вермахта Хорст Хумбайер; бывшая экономка семьи Йожица Хрибовшек и ставший партизаном батрак поместья Йеранек, оклеветавший своих хозяев. У каждого из нарраторов свой взгляд на события; каждый последующий продолжает, дополняет, а иногда и завершает интерпретацию предыдущего, в конечном итоге из полифонии фрагментов складывается окончательный пазл «личной истории» Вероники Зарник. Свидетельства расположены в хронологическом порядке рассказывания и охватывают около полувека: с момента знакомства героини с поручиком Радовановичем в 1937 г. до середины 1980-х, к которым относятся воспоминания ветерана народно-освободительной борьбы Йеранека. Для всех пятерых, несмотря на прошедшее с момента общения с героиней время, она продолжает оставаться объектом обожания (страстной любви, материнской любви, покровительственной любви, влюбленности, сексуального влечения). Собственно, охватившая простого сельского паренька страсть в конечном итоге и привела Веронику к гибели — из ревности Йеранек донес своему командиру, что муж красавицы сотрудничает с гестапо, что было неправдой. Молодой партизан не знал, что сам в 1943 г. был спасен от рук гестапо благодаря вмешательству супругов Зарник. Рассказ о жизни и исчезновении героини строится по модели сужающихся концентрических кругов: три первых персонажа в своих версиях ее жизнеописания не исключают трагического исхода, но не хотят в него верить; четвертая — Йожица, — на глазах которой партизаны уводили Веронику, в нем почти уверена, и только последний рассказчик точно знает правду, причину, время и место ее гибели. «Принцип показа одной истории с разных точек зрения, — отмечает А.Ф. Строев, — использовался еще в XVIII в. (“Знаменитые француженки” Р. Шаля, многие эпистолярные романы, в том числе “Опасные связи” Ш. де Лакло), но именно в XX в. он стал основой художественной конструкции (от рассказа Аккутогавы “В чаще” до “Шума и ярости” Фолкнера). Вместо одной фабулы появилось несколько сюжетов, главный герой исчез, все персонажи стали равноценными. У каждого своя правда, свой внутренний (художественный) мир» [7, с. 521]. Смена рассказчиков, дающая несколько разных ракурсов освещения личной истории — «оптика Расемон», в массовом сознании ассоциирующаяся также с экранизацией вышеупомянутого произведения режиссером Акиро Курасавой, дает возможность взглянуть на изображаемые события «изнутри», не подключая голос автора, «позволяет тексту говорить самому за себя, чтобы читатель мог вынести собственное суждение» [20]. Описывая известные им фрагменты жизни Вероники, герои, в сущности, говорят о себе, о своих испытаниях, и «осколочность [их. — Е.Ш., Н.С.] опыта становится предпосылкой к умозрительной реконструкции следов целостности — если не зеркала, то по крайней мере собственного отражения» [8, с. 20]. Все пятеро неосознанно винят себя в ее смерти, переживают травму свидетеля, поэтому трагическая судьба близкого человека становится частью их травматической памяти. Выводя главную героиню за рамки повествования, Янчар следует поэтике

Д. Смоле, «отца» словенской драмы абсурда: Антигона, главное действующее лицо его одноименной пьесы 1960 г., не появляется на сцене, представление о ней складывается у зрителя благодаря монологам и репликам других персонажей. Притягательность образа Вероники обусловлена и тем, что он создается через созвучие разных восприятий, и поскольку каждый из вспоминающих был к ней по-своему неравнодушен, совокупность разных перспектив становится, по мысли М. Долгана, «эффективным способом передать все очарование героини, которое, дай ей автор такую возможность, она вряд ли смогла бы транслировать сама» [10, s. 216]. Возлюбленный помнит ее смех, легкую походку, своенравие, независимость, ловкость (его как опытного кавалериста пригласили обучать богатую даму верховой езде); в памяти матери, которая не может простить себе, что посоветовала дочери вернуться к мужу («...останься она со Стевой, не пропала январской ночью <...>, не сгинула бы потом в неизвестности» [22, с. 68]), Вероника продолжает оставаться любящей и заботливой «златовлаской» [22, с. 73]; для экономки — «моей дорогой госпожой Вероникой» [22, с. 124]. Взаимная симпатия, которая возникла между словенской красавицей и немецким военврачом, по сути, случайным знакомым, стала причиной особой откровенности с ним героини: в рассказе доктора Хорста, представленного в романе не врагом, а заложником исторических обстоятельств, который выжил в военном аду, есть детали, раскрывающие неожиданные грани характера героини: «...уже во время войны она на два месяца вернулась в Берлин <...> и какое-то время работала на скорой помощи. Добровольно. Не хватало людей для перевозки раненых <...>. В этом не было никакого политического умысла. Если его не было у меня, когда я латал раненых на Украине, в Крайне и в Италии, зачем бы ей это делать? из сочувствия к нашей великой безумной войне?» [22, с. 109] В реминисценциях Йеранека женственность и очарование Вероники («от нее исходила доброжелательность», «она улыбалась не как хозяйка <...>, а как женщина, которая улыбается мужчине», «от ее тела веяло духами и теплом» [22, с. 144]) резко контрастируют с натуралистическими подробностями, которые опосредованной россыпью присутствуют в его отрывочной версии ее гибели, — не будучи свидетелем насилия и казни, рассказчик приводит чужие верификации: «И где она теперь? спросил я раздраженным голосом. Спроси Богдана, странным голосом произнес Янко <...>. Он был с ней последний. Как это последний, что значит последний? заорал я. Значит, что ее и другие тоже, сначала Янко, а потом еще и другие...» [22, с. 177]; «В сорок четвертом году будто бы лесничий из Ясного нашел в лесу поблизости от охотничьего домика Зарников разлагающуюся женскую голову со светлыми волосами, которую из неглубоко выкопанной могилы разрыла и таскала за собой лисица» [22, с. 184]; «зимой сорок четвертого он [Богдан. — *Е.Ш., Н.С.*] получил задание ликвидировать одну женщину. В лесу было много снега, и земля промерзла, да и времени не было, чтобы копать <...>. Вот он и сломал женщине ноги, и дело было скоро сделано» [22, с. 185]. Перед тем как малодушно сбежать, чтобы не участвовать в расправе, Йеранек последний раз бросает взгляд на ожидающую своей участи Веронику и навсегда запоминает шапочку, из-под которой выбиваются светлые волосы. Эта шапочка, валяющаяся на снегу рядом с бездыханным телом, будет преследовать его в ночных кошмарах всю дальнейшую жизнь.

Избранная автором нарративная стратегия дает возможность избежать идеологически окрашенных трактовок: Янчара не интересует история победителей и побежденных, в центре его внимания — обыкновенный человек, по сути, обыватель, попавший в водоворот военных потрясений; его не увлекают великие исторические события, иде-

ологии или истина, он просто хочет жить. Не случайно этот главный авторский посыл «озвучен» в романе персонажем, представляющим страну-агрессора — нацистскую Германию. Военврачу Хумбайеру повезло — конец войны он встретил в Мюнхене. Его размышления о пережитом поражают объективностью и какой-то отстраненностью, — это реакция самозащиты, помогающая не сойти с ума от всего увиденного и испытанного, и отчасти оправдаться. «Мы живем во времена, когда в цене жизнь только тех из нас, живых или мертвых, кто пришел в этот мир, чтобы бороться, даже жертвовать собой за общие идеалы. Так рассуждают победители и побежденные. Никто не считается с теми, кто просто хочет жить. Кто любит других людей, природу, братьев наших меньших, белый свет и со всем этим пребывает в гармонии. На сегодняшний день этого недостаточно. И хотя я и себя могу причислить к тем, кто дрался, даже если и потерпел поражение, тем не менее, я всего-то просто хотел жить» [22, с. 108]. Писатель сознательно отказывается занять чью-либо сторону в до сих пор болезненном для словенцев споре «правых» и «неправых» в годы Второй мировой войны, пытается, как подчеркивает А. Зупан-Сосич, «активизировать в повествовании нейтральную установку» [21, с. 37]. На принципиальное нежелание принять точку зрения какой-либо из сторон братоубийства и идеологическую непредвзятость авторской позиции обращают внимание и другие исследователи [16, с. 161; 20]. «Героев я заставил вести рассказ, а читателей — прикоснуться к событиям, их перипетиям, не давая объективных пояснений» [22, с. 189], — так формулирует свой подход Янчар. Изменчивость, дисперсивность повествовательной перспективы раскрывает диалектику взаимоотношений между индивидуальной и исторической судьбой. Столкновение героини, которая «просто хотела жить в гармонии с собой, понять себя и людей вокруг себя» [22, с. 109] и злого рока, принявшего обличье молоха истории, заканчивается победой последнего, Танатос побеждает Эрос. Такое метафизическое видение одного из самых проблемных для словенцев периодов XX в. дает возможность избежать политизации истории, ее оценочных коннотаций, которые оказывают влияние на общественное мнение и перспективу тенденциозного конструирования коллективной исторической памяти. Писатель стремится утвердить в социокультурном сознании онтологическое отношение к пережитому нацией историческому опыту, поскольку «правда о войне, после того как она перестает быть правдой той или иной стороны, складывается из множества одинаково значимых личных переживаний и постигнутых истин» [18, с. 14]. В переносе фокуса с политически ангажированного дискурса на экзистенциальный Янчар видит возможность изменить все еще остро болезненное отношение словенцев к событиям военного прошлого, и тем самым через художественное слово дать толчок к осмыслению и преодолению неизжитой исторической травмы.

Список литературы

Исследования

- 1 Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 (141). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/7960> (дата обращения: 20.04.2025)
- 2 Гибианский Л.Я. Югославия в период Второй мировой войны // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 305–522.
- 3 Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. 249 с.

- 4 Лексикон јужнослајанских литературс. М.: Индрик, 2012. 592 с.
- 5 *Пилько Н.С.* Словения в годы оккупации (1941–1945) // История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. С. 329–380.
- 6 *Старикова Н.Н.* «У времени в плену»: политическая и литературная судьба Э. Коцбека // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2021. С. 17–36. <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2021.02>
- 7 *Строев А.Ф.* Автор, герой, персонаж // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 523–538.
- 8 *Ушакин С.А.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–42.
- 9 *Cvetek M.* Spomini na Strmol. Vilma Mlakar, roj. Urh — nekdanja strmolska sobarica // Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino. 2006. Let. 54. Št. 2. S. 233–252.
- 10 *Dolgan M.* Roman kot Pandorina skrinjica. Drago Jančar: “To noč sem jo videl” // Primerjalna književnost. 2011. Let. 34. Št. 3. S. 209–221.
- 11 *Grgič S.* Zločini okupatorjevih sodelavcev: Izven boja pobiti in na druge načine umorjeni, ranjeni in ujeti slovenski partizani. Knj. 1. Novo Mesto: Dolenjska založba, 1995. 559 s.
- 12 *Hirsch M.* Generation of Postmemory // University of Warwick. URL: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf (дата обращения: 20.04.2025)
- 13 *Hribar A.* Strmolski graščak Rado Hribar in njegova rodbina // Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino. 2006. Let. 54. Št. 2. S. 213–222.
- 14 *Jančar D.* Ko se nasanjamo, bomo spali naprej. Pogovori. Celovec; Ljubljana; Dunaj: Mohorjeva založba, 1997. 320 s.
- 15 *Jančar D.* Razbiti vrč. Ljubljana: Založba Mihelač, 1992. 139 s.
- 16 *Kos M.* Leta nevarnega življenja. Pet fragmentov o slovenski literature in drugi svetovno vojni. Ljubljana: Slovenska matica, 2019. 191 s.
- 17 *Mrvič I.* Obveščevalno varnostna služba OF // Slovenski upor 1941: Osvobodilna fronta slovenskega naroda pred pol stoletja: zbornik referatov. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1991. S. 265–280.
- 18 *Novak Popov I.* Izkušnja in pripoved: razprave o slovenski prozi. Ljubljana: LUD Literatura, 2008. 203 s.
- 19 Slovenski roman desetletja // Založba Modrijan. URL: <https://www.modrijan.si/branje/to-noc-sem-jo-videl> (дата обращения: 20.04.2025).
- 20 *Virk T.* O ljudeh »ki so hoteli samo živeti« // Pogledi. 2010. Let. 1. Št. 12. URL: <http://www.pogledi.si/knjiga/o-ljudeh-ki-so-hoteli-samo-ziveti> (дата обращения: 20.04.2025)
- 21 *Zupan Sosič A.* Partizanska zgodba v sodobnem slovenskem romanu // Jezik in slovastvo. 2014. Let. 59. Št. 1. S. 22–42.

Источники

- 22 *Янчар Д.* Этой ночью я ее видел. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 192 с.

© 2025. Evgenia V. Shatko
Moscow, Russia

© 2025. Nadezhda N. Starikova
Moscow, Russia

**“OUR INVENTED STORIES ARE FROM REAL LIFE”:
THE TRAUMA OF THE WAR PAST IN THE NOVEL
“TO NOČ SEM JO VIDEL” BY D. JANČAR**

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00403 “The Representation and Overcoming of the Traumatic Experience of the National Past in the Literatures of Central and Southeastern Europe (The Last Third of the 20th – early 21st Centuries)”.

Abstract: The paper addresses the novel by outstanding contemporary Slovenian writer D. Jančar “To noč sem jo videl” (2010), where the national tragedy of the period of World War II (the split of Slovenian society into resistance heroes — anti-fascists and accomplices of the occupiers — Domoborans, who fought against each other) is shown for the first time not as a confrontation between the victors and the vanquished, but as a dialectic of the interaction of personal fate and European history. The aim of the paper is to examine the strategy of narrativization of a tragic theme that is significant for the nation. The documentary story about the Hribar spouses, the owners of the Strmol estate, liquidated by partisans in 1944, which formed the basis of the work, is embodied by the author through the “Rashomon optics”, used by the writer Akutagawa Ryūnosuke, and then in the film adaptation of his story “In a Thicket” by director Akira Kurosawa. Five different characters tell about the passionate life and terrible death of the main heroine of the novel, Veronika Zarnik: a former lover, mother, German military doctor, housekeeper of the estate and a partisan who informed against the Zarnik family. Such a polyphonic narrative structure corresponds to the main modality of the author's position — to avoid ideologically colored interpretations and evaluative connotations, which lead to a tendentious construction of collective historical memory. In shifting the focus from politically engaged discourse to the existential, Jančar sees an opportunity to change the acutely painful attitude of the Slovenes to the events of the war past, and thus, through artistic words, give impetus to understanding the unhealed historical trauma.

Keywords: World War II, Jančar, Tragedy of Fratricide, Narrativization of Trauma, Fact and Fiction.

Information about the authors: Evgeniia V. Shatko — PhD in Philology, Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave, 32A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9467-898>

E-mail: eshatko@gmail.com

Nadezhda N. Starikova — DSc in Philology, Head of the Department, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave, 32A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1230-2244>

E-mail: nstarikova@mail.ru

Received: May 13, 2025

Approved after reviewing: September 12, 2025

Date of publication: September 25, 2025

For citation: Shatko, E.V., Starikova, N.N. “‘Our Invented Stories are from Real Life’: The Trauma of the War Past in the Novel ‘To noč sem jo videl’ by D. Jančar.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 139–150. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-139-150>

References

- 1 Aierman, R. “Kul'turnaia travma i kollektivnaia pamiat” [“Cultural Trauma and Collective Memory”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (141), 2016. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/7960> (Accessed 20 April 2025). (In Russ.)
- 2 Gibianskii, L.Ia. “Iugoslaviia v period Vtoroi mirovoi voiny” [“Yugoslavia During the Second World War”]. *Iugoslaviia v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii* [Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History]. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 305–522. (In Russ.)
- 3 Dubin, B.V. *Intellectual'nye gruppy i simvolicheskie formy. Ocherki sociologii sovremennoj kul'tury* [Intellectual Groups and Symbolic Forms. Essays on the Sociology of Modern Culture]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 249 p. (In Russ.)
- 4 *Leksikon iuzhnoslavianskikh literatur* [Lexicon of South Slavic Literatures]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 592 p. (In Russ.)
- 5 Pil'ko, N.S. “Slovenii v gody okkupatsii (1941–1945)” [Slovenia During the Years of Occupation (1941–1945)]. *Istoriia Slovenii* [History of Slovenia]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2011, pp. 329–380. (In Russ.)
- 6 Starikova, N.N. “‘U vremeni v plenu’: politicheskaia i literaturnaia sud'ba E. Kotsbeka” [“‘Captive of Time’: The Political and Literary Fate of E. Kocbek”]. *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Iakovlevny Il'inoi (po materialam III Khorevskikh chtenii)* [Literature in the Socio-Cultural Space of Modern Central and South-Eastern Europe: Axiological Discourse. On the 90th Anniversary of Galina Yakovlevna Ilyina (Proceedings of the III Khorev Readings)], ed. I.E. Adel'geim. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2021, pp. 17–36. <https://doi.org/10.31168/2618-8554.2021.02> (In Russ.)
- 7 Stroevev, A.F. “Avtor, geroi, personazh” [“Author, Hero, Character”]. *Khudozhestvennye orientiry zarubezhnoi literatury XX veka* [Artistic Landmarks of Foreign Literature of the 20th]. Moscow, Institute of World Literature RAS Publ., 2002, pp. 523–538. (In Russ.)
- 8 Ushakin, S.A. “Nam etoi bol'iu dyshat'”? [“Should We Breathe this Pain?”]. *Travma: punkty: sbornik statei* [Trauma: Points: Collection of Papers]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 5–42. (In Russ.)
- 9 Cvetek, Marija “Spomini na Strmol. Vilma Mlakar, roj. Urh — nekdanja strmol-ska sobarica.” *Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino*, no. 2 (54), 2006, pp. 233–252. (In Slovenian)

- 10 Dolgan, Marjan "Roman kot Pandorina skrinjica. Drago Jančar: 'To noč sem jo videl'." *Primerjalna književnost*, no. 3 (34), 2011, pp. 209–221. (In Slovenian)
- 11 Grgič, Silvo *Zločini okupatorjevih sodelavcev: Izven boja pobiti in na druge načine umorjeni, ranjeni in ujeti slovenski partizani*, vol. 1. Novo Mesto, Dolenjska založba Publ., 1995, 559 p. (In Slovenian)
- 12 Hirsch, Marianne "Generation of Postmemory." *University of Warwick*. Available at: https://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/poetics_today-2008-hirsch-103-28.pdf. (Accessed 20 April 2025). (In English)
- 13 Hribar, Angelika "Strmolski graščak Rado Hribar in njegova rodbina." *Kronika: časopis za slovensko krajevno zgodovino*, no. 2 (54), 2006, pp. 213–222. (In Slovenian)
- 14 Jančar, Drago *Ko se nasanjamo, bomo spali naprej. Pogovori*. Celovec, Ljubljana, Dunaj, Mohorjeva založba Publ., 1997. 320 s. (In Slovenian)
- 15 Jančar, Drago *Razbiti vrč*. Ljubljana, Založba Mihelač Publ., 1992. 139 s. (In Slovenian)
- 16 Kos, Matevž *Leta nevarnega življenja. Pet fragmentov o slovenski literature in drugi svetovno vojni*. Ljubljana, Slovenska matica Publ., 2019. 191 s. (In Slovenian)
- 17 Mrvič, Irena "Obveščevalno varnostna služba OF." *Slovenski upor 1941: Osvobodilna fronta slovenskega naroda pred pol stoletja: zbornik referatov*. Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti Publ., 1991, pp. 265–280. (In Slovenian)
- 18 Novak Popov, Irena *Izkušnja in pripoved: razprave o slovenski prozi*. Ljubljana, LUD Literatura Publ., 2008. 203 p. (In Slovenian)
- 19 "Slovenski roman desetletja." *Založba Modrijan*. Available at: <https://www.modrijan.si/branje/to-noc-sem-jo-videl> (Accessed 20 April 2025). (In Slovenian)
- 20 Virk, Tomo "O ljudeh »ki so hoteli samo živeti«." *Pogledi*, no. 12 (1), 2010. Available at: <http://www.pogledi.si/knjiga/o-ljudeh-ki-so-hoteli-samo-ziveti> (Accessed 20 April 2025). (In Slovenian)
- 21 Zupan Sosič, Alojzija "Partizanska zgodba v sodobnem slovenskem romanu." *Jezik in slovstvo*, no. 1 (59), 2014, pp. 22–42. (In Slovenian)